

ИМЯ БОГА

СВЕТЛАНА КАЧАЛОВА

СВЕТЛАНА КАЧАЛОВА

Светлана Качалова

Имя Бога

«Автор»

2026

Качалова С. М.

Имя Бога / С. М. Качалова — «Автор», 2026

Бывший профайлер Алексей Ремезов не верит в символы. Он верит в факты, паттерны и мятные таблетки, которыми глушит панические атаки вот уже пятнадцать лет — с тех пор, как его младшая сестра Вера погибла в оккультной секте. Но когда в заснеженном Царском Селе находят тело архитектора в белом масонском фартуке с перебитым горлом, а в кармане — листок с нотами старинного гимна «Коль славен», Ремезову приходится внедриться туда, куда он поклялся никогда не входить: в масонскую ложу. Убийца — не маньяк. Это человек, исключённый из ложи десять лет назад за требование проверить гипотезу: масонские символы — не аллегории, а забытая технология. Каждая жертва приближает его к частоте Имени Бога — Но когда дельта будет собрана, а последняя строка прозвучит, каждому из них придётся выбрать: что есть Имя Бога — частота, способная убивать, или тишина, в которой слышен только собственный страх? Иллюстрация - Алиса AL/

© Качалова С. М., 2026

© Автор, 2026

Светлана Качалова

Имя Бога

ИМЯ БОГА

Памяти того, кто учил не бояться.

Пролог

15 декабря, пятнадцать лет назад

Снег падал уже третий день, и город стал белым и глухим, как вата. Вера сидела на подоконнике, прижав колени к груди, и смотрела, как фонарь на углу раскачивается от ветра. В комнате пахло мятой — мама заварила чай и ушла спать, не дождавшись.

Она открыла дневник на последней странице. Ручка, старая, с латунным пером, скрипнула, оставляя кривой рисунок: циркуль и наугольник. Она старалась, чтобы линии были ровными, но рука дрожала — не от холода, а от предчувствия.

Под рисунком она вывела: «Братство». И ниже, мелко: «Брат учил меня не бояться».

Она не знала, кто этот брат. Он пришёл в их город полгода назад — невысокий, седой, с тяжёлым взглядом. Он говорил о символах, которые откроют ей чистоту. Он не обещал счастья. Он обещал свет.

Она отложила ручку и посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Там, за окном, падал снег. Завтра она наденет белое. Завтра она станет чистой.

Она не знала, что умрёт. Но даже если бы знала — она бы не отступила.

Потому что брат сказал: страх — это просто тишина. А тишина — это ещё не конец.

Она закрыла дневник. Снег всё шёл.

Часть 1. Ученик. Тьма

Глава 1. Труп у колонны

Царское Село, Екатерининский парк, 21 декабря

Тело нашли за пять минут до рассвета.

Снег перестал идти только к утру, и теперь парк лежал в той особенной, глухой тишине, какая бывает лишь в самые короткие дни года. Фонари ещё горели, и жёлтый свет лежал на снегу островами — неровными, с размытыми краями.

Лейтенант Поляков, вызвавший Ремезова, стоял у Камероновой галереи и курил, хотя курить на месте происшествия запрещалось. Дым смешивался с паром от его дыхания. Когда он увидел Ремезова, то просто махнул рукой в сторону колоннады — и Ремезов заметил на его безымянном пальце тусклое серебряное кольцо, которого раньше не видел. Поляков никогда не говорил о семье.

— Там. Лучше сам.

Ремезов прошёл мимо него, стараясь не дышать глубоко. Морозный воздух помогал — холод обжигал ноздри, сужал сосуды, замедлял пульс, — но ненадолго. Он знал, что через минуту-другую сердце снова напомнит о себе.

Тело сидело у одной из колонн, привалившись к ней спиной. Мужчина лет пятидесяти, в тёмном пальто, распахнутом на груди. Под пальто — белый фартук. Запон. Из тонкой ягнячьей кожи, с поднятым треугольным клапаном, перехваченным голубой лентой. Ремезов узнал его сразу — не потому, что разбирался в масонских регалиях, а потому, что видел такой же раньше. На рисунке. В дневнике Веры.

Ученик.

Правая рука застыла на горле — ладонь плашмя, пальцы вместе, большой палец упирается в челюсть. Тот самый знак, который показывают при открытии ложи. Ремезов знал это,

хотя никогда не был в ложе. Знал, потому что Вера нарисовала его на полях тетради, рядом со словами «я научусь».

Он заставил себя смотреть.

Горло перебито. Удар тупым предметом — возможно, молотком, возможно, ребром ладони, если бить умеючи. Крови немного, и она уже замёрзла, превратившись в тёмную корку на воротнике. Лицо спокойное, почти умиротворённое. Глаза закрыты. Губы чуть приоткрыты, словно человек хотел что-то сказать, но передумал. Убийца либо действовал очень быстро, либо жертва знала, что произойдёт, и приняла это.

Ремезов присел перед телом. Снег под коленями хрустнул — сухо, как ломающийся пластик. От пальто покойного пахло табаком и одеколоном, и ещё чем-то, что Ремезов не мог определить сразу. Позже он поймёт: это был запах старого храма — воск, ладан, пыль.

— Кто он? — спросил Ремезов, не оборачиваясь.

Поляков подошёл сзади, протянул раскрытый планшет.

— Кратов Олег Викторович, пятьдесят два года. Архитектор. Жил один, жена в разводе, дети за границей. Пропал три дня назад, но заявление подали только вчера — коллеги забеспокоились, что не вышел на работу.

— Архитектор, — повторил Ремезов.

— Да. И, судя по фартуку, масон.

Ремезов ничего не ответил. Он осторожно, двумя пальцами, отодвинул край запона. Под ним — обычный костюм, белая рубашка, галстук, ослабленный у узла. В нагрудном кармане что-то белело.

Он достал это.

Листок бумаги, сложенный вчетверо. Плотный, почти картон, слегка пожелтевший по краям. Нотный стан. Пять линеек, на них — ноты, написанные от руки чёрной тушью. Каллиграфический почерк, с наклоном влево — так пишут люди, которые привыкли к чертежам. Внизу слова: *«Коль славен наш Господь в Сионе...»*

Почерк не дрожащий, ровный. Писал не в спешке.

И не жертва.

Ремезов перевернул листок. На обороте — ничего. Только водяной знак: циркуль и наугольник, едва заметные на просвет.

— Что это? — спросил Поляков.

— Послание, — сказал Ремезов. — Он хочет, чтобы мы его прочитали.

Он поднялся. Паника уже подступала — не волной, а медленным, знакомым давлением где-то в груди, словно воздух становился плотнее. Диафрагма сжалась. Сердце ударило дважды — сильнее, чем нужно. Ремезов сунул руку в карман, нащупал блистер, выдавил таблетку, проглотил, не запивая. Мятный привкус — он всегда запивал мятным чаем, но сейчас чая не было.

Фартук. Белый. Точно такой же, какой Вера нарисовала в своём дневнике за два дня до смерти. Она никогда не видела масонского запона вживую — в их городе не было лож, а интернет она не признавала, — но нарисовала его с удивительной точностью: клапан, кожа, розетка, голубая кайма. «Я надену это, когда стану чистой», — написала она под рисунком. И ниже, мелко: «Брат обещал».

Чистой она стала мёртвой.

Ремезов не верил в совпадения. Он верил в паттерны.

— Ты в порядке? — спросил Поляков.

— Да, — сказал Ремезов. — Вызывай криминалистов. И пусть снимут отпечатки с колонны. Все десять пальцев, даже если кажется, что там ничего нет.

Он отошёл на несколько шагов и посмотрел на колоннаду, на снег, на цепочку следов, ведущих к телу. Следы начинались от центральной аллеи, но не доходили до дорожки — обры-

вались метрах в пятнадцать, там, где снег был особенно глубоким. Дальше — чистое полотно, нетронутое, без единой вмятины.

Где-то далеко, за оградой парка, просигналила машина. Звук долетел сюда уже смягчённым, почти мелодичным, и тут же утонул в снегу.

— Собак? — спросил Поляков, проследив его взгляд.

— Бесполезно. Снег шёл всю ночь. Он знает, что делал.

Ремезов ещё раз посмотрел на листок с нотами. «Коль славен». Он слышал эту мелодию раньше. Её пели в церкви, когда он был ребёнком, — мать водила его на всенощную, и хор выводил эту мелодию так, что у него мурашки бежали по спине. Но здесь она была записана с какой-то странной нотацией — паузы, акценты, динамические пометки, которых нет в каноническом тексте. Ферматы в неожиданных местах. Крещендо там, где обычно поют тихо. И наоборот.

Это была не просто песня. Это была инструкция.

Он убрал листок в пластиковый пакет.

— Поляков, пробей по базе всё, что связано с масонскими ложами в городе. Мне нужны списки, адреса, имена. Особенно те, кто контактировал с Кратовым в последние полгода.

— Думаешь, это ритуальное?

Ремезов помолчал.

— Думаю, это начало.

Поляков кивнул и пошёл к машине. Ремезов остался стоять у колонны.

Светало. Небо из чёрного становилось серым, а потом — сизым, с розовой полосой на востоке. Фонари погасли один за другим, и парк погрузился в тот короткий сумеречный промежуток, когда всё кажется плоским и нереальным.

Он посмотрел на лицо убитого. Спокойное, почти счастливое. Словно этот человек ждал смерти. Или принял её. Или — и это было хуже всего — сам выбрал место и позу, зная, что так будет правильно.

Ремезов не верил в ритуалы. Не верил, что песня может быть инструкцией, а фартук — оружием. Он потратил пятнадцать лет на то, чтобы вытравить из себя любую предрасположенность к вере во что бы то ни было, кроме фактов и паттернов.

Но он знал, что его сестра поверила.

И умерла.

И теперь кто-то убивал других, используя те же самые знаки, от которых у Ремезова перехватывало дыхание и сердце начинало биться где-то в горле.

Он повернулся и пошёл к машине.

Под ногами хрустел снег. В кармане лежал блистер с таблетками. В голове — ноты «Коль славен», и он не мог перестать их слышать: мелодия крутилась, как заезженная пластинка, и на каждом обороте в ней проступало что-то новое. Какая-то закономерность, которую он ещё не мог уловить.

В памяти — рисунок Веры: циркуль и наугольник, криво, по-детски, подпись «Братство», и дата в углу: 15 декабря.

За три дня до её смерти.

Ровно за пятнадцать лет до сегодняшнего дня.

Глава 2. Внедрение

Санкт-Петербург, Литейный проспект, 23 декабря

«Брат сказал: тебя будут испытывать. Тьмой, водой, огнём. Не бойся. Бойся того, что будет после».

(Из дневника Веры, 12 декабря)

Кабинет полковника Грачёва находился на четвёртом этаже и выходил окнами во двор-колодец. Свет сюда не проникал даже летом, а в декабре здесь царил вечный сумеречный полумрак, разбавленный жёлтым светом настольной лампы. Грачёв любил этот полумрак — говорил, что он помогает думать.

Ремезов сидел напротив него и ждал.

— Ложа «Три Светоча», — сказал Грачёв, не поднимая головы от папки. — Зарегистрирована в реестре Великой ложи России в девяносто пятом. Двадцать семь действительных членов. Досточтимый Мастер — Лазарев Константин Аркадьевич, шестьдесят семь лет, бывший судья городского суда, в отставке с две тысячи двенадцатого.

Он поднял глаза.

— Кратов был у них одним из старейших членов. Второй градус, Подмастерье.

— Не Мастер? — спросил Ремезов.

— Нет. Хотя в ложе с девяносто седьмого. Говорят, не хотел повышаться. Принципиально.

— Или кто-то не хотел, чтобы он повышался.

Грачёв хмыкнул.

— Вот это ты и выяснишь.

Он достал из папки фотографию — чёрно-белую, явно переснятую с какого-то старого снимка. Высокий человек с седыми висками и тяжёлым взглядом. Лазарев. Таким он был лет десять назад. Сейчас, наверное, ещё суше, ещё тяжелее.

— Твоя легенда, — продолжил Грачёв. — Алексей Ремезов, архитектор-реставратор. Работал в Новгороде, Пскове, последние пять лет — в Москве. Специализация — церковная архитектура восемнадцатого века. Масонской символикой интересуешься профессионально.

— Архитектор, — повторил Ремезов. — Как Кратов.

— Именно. Это не совпадение. В ложу приходят по рекомендации. Кратов теоретически мог бы тебя рекомендовать, но он мёртв. Поэтому рекомендацию тебе даст другой член ложи.

— Кто?

— Пока не знаю. Это решает Лазарев. Твоё дело — произвести впечатление на собеседовании. Остальное сделает легенда.

Ремезов взял папку, пролистал. Биография была составлена тщательно: реально существовавшие проекты, реальные люди, с которыми он якобы работал. Если кто-то захочет проверить — легенда выдержит. По крайней мере, первые две недели.

— Когда собеседование?

— Сегодня. В девятнадцать ноль-ноль. Адрес в папке.

Ремезов закрыл папку.

— Что ещё мне нужно знать?

Грачёв помолчал. Потом достал из ящика стола ещё один листок — не из папки, отдельно.

— Это неофициально. Три года назад один наш коллега пытался внедриться в ту же ложу. Другой город, другое дело. Он прошёл собеседование, его приняли. Через два месяца он вышел оттуда и написал рапорт об увольнении. Сказал, что больше не может.

— Почему?

— Не объяснил. Просто ушёл. Сейчас живёт в деревне, разводит пчёл.

Грачёв подвинул листок к Ремезову.

— Я не верю в мистику. Но я верю, что некоторые организации умеют менять людей. Будь осторожен.

Ремезов взял листок, сложил, убрал в карман.

— Я всегда осторожен.

Грачёв посмотрел на него долгим взглядом.

— Твоя сестра, Ремезов. Я знаю. Я читал дело.

В комнате стало тихо. Лампа на столе едва слышно гудела — старый трансформатор, такие уже не выпускают.

— Это не имеет отношения к делу, — сказал Ремезов.

— Имеет. Потому что ты идёшь в организацию, которая использует ту же символику, что и секта, погубившая твою сестру. Если ты не справишься с собой — ты провалишь задание. Если провалишь — подведёшь не только меня.

— Я справлюсь.

— Я знаю, — сказал Грачёв. — Поэтому ты здесь. Иди.

Ремезов встал. У двери он обернулся.

— Как звали того коллегу? Который уволился.

— Зачем тебе?

— Хочу знать, с кем сравнивать.

Грачёв помедлил.

— Сравнивать будешь с собой, Ремезов. Только с собой.

Дом на Фонтанке, в котором располагалась ложа «Три Светоча», когда-то принадлежал купцу-старообрядцу. Снаружи — обычный петербургский фасад: облупленная штукатурка, лепнина, чёрный ход во двор. Но внутри, за тяжёлой дубовой дверью, открывался другой мир.

Ремезов вошёл ровно в семь.

Его встретил человек в строгом тёмном костюме — Привратник, как позже узнал Ремезов. Он не представился, просто попросил сдать телефон и все металлические предметы. Ремезов выложил на поднос ключи, часы, телефон. Привратник посмотрел на его руки.

— Кольцо.

Ремезов снял обручальное кольцо — он носил его по привычке, хотя в разводе был уже четыре года.

— Проходите. Досточтимый Мастер ждёт вас.

Комната, куда его провели, была небольшой, но высокой — метра четыре потолок, не меньше. Стены обшиты тёмным деревом. На них — старые гравюры: геометрические схемы, чертежи Храма Соломона, аллегорические фигуры с циркулями и наугольниками. В углу стоял глобус на резной подставке. Пахло воском и старой бумагой, и ещё чем-то — может быть, табаком, может быть, кожей.

За столом сидел человек с фотографии.

Лазарев выглядел именно так, как представлял Ремезов: сухой, с тяжёлым взглядом из-под кустистых бровей, с длинными пальцами, сложенными на столешнице. На нём был тёмно-синий костюм и белая рубашка без галстука. На левой руке — перстень с тёмным камнем.

— Садитесь, — сказал он.

Ремезов сел.

Лазарев смотрел на него молча. Не изучающе — именно смотрел, как смотрят на картину или на шахматную доску перед первым ходом.

— Вы архитектор, — сказал он наконец. — Алексей Ремезов.

— Да.

— Кто вас рекомендовал?

— Никто. Я пришёл сам.

Лазарев чуть приподнял бровь.

— К нам редко приходят сами. Обычно — по рекомендации. Что вы знаете о масонстве?

— Достаточно, чтобы понимать: это не клуб по интересам.

— А что же это?

— Система морали, скрытая в аллегориях и проиллюстрированная символами.

Лазарев помолчал.

— Цитата из лекции Ученика. Вы не могли её знать, если не проходили посвящение. Откуда?

— Читал. Есть открытые источники. Мониторы, уставы, исторические исследования.

— Зачем архитектору читать масонские уставы?

Ремезов выдержал паузу.

— Я реставрировал церковь в Новгородской области три года назад. Там на стенах была роспись — геометрические символы, которые не относились к православной традиции. Я начал искать. Оказалось — масонские знаки. Мне стало интересно.

— Интересно, — повторил Лазарев. — Вы нашли масонские знаки в православном храме и решили, что вам сюда?

— Я решил, что хочу понять, что они означают на самом деле. Не как архитектор. Как человек.

Лазарев посмотрел на него иначе — теперь не как на картину, а как на собеседника.

— Вы верите в Бога, Алексей?

— Да, — сказал он. — Но не так, как в церкви.

— А как?

— Я верю, что есть порядок. Что мир устроен не случайно. Что есть закономерности, которые мы не всегда видим, но которые существуют. Если это называется Бог — тогда да, я верю.

Лазарев чуть кивнул.

— А в бессмертие души?

— Я надеюсь на него. Верить — не могу. Не имею доказательств.

— Доказательств, — повторил Лазарев. — Вы говорите как судья.

— Я говорю как архитектор. Если здание стоит — значит, кто-то правильно рассчитал фундамент. Я не могу рассчитать душу. Поэтому надеюсь.

Лазарев встал. Подошёл к окну — тёмному, замёрзшему по краям. За окном падал снег.

— Знаете, что самое трудное для человека, который приходит к нам? — спросил он, не оборачиваясь. — Не выучить символы. Не запомнить ритуалы. Самое трудное — молчать. Мы не говорим о том, что происходит в ложе. Не из страха — из уважения. Символ, о котором говорят снаружи, теряет силу.

Он повернулся.

— Вы умеете молчать, Алексей?

— Приходилось.

— Хорошо.

Лазарев вернулся к столу.

— Я дам вам рекомендацию. Не потому, что вы мне понравились — вы мне не понравились. И не потому, что я вам поверил — я вам не верю. Но вы задаёте правильные вопросы. А вопросы важнее ответов.

Он достал из ящика стола листок бумаги с печатью.

— Посвящение состоится завтра. В девятнадцать ноль-ноль. Приходите за час. И не ешьте перед этим.

— Почему?

— Узнаете.

Лазарев протянул ему листок. Ремезов взял. Их пальцы соприкоснулись — у Лазарева они были сухие и холодные.

— Ещё один вопрос, — сказал Лазарев, когда Ремезов уже встал.

— Да?

— У вас руки дрожат. Это ничего — у многих дрожат перед посвящением. Но это не страх. Я видел страх много раз. Это что-то другое.

Ремезов посмотрел на свои руки. Они действительно дрожали. Он сжал их в кулаки.

— Старая травма. Нервное. Не мешает работе.

— Травма, — повторил Лазарев. — У каждого из нас есть травма, Алексей. Весь вопрос в том, что мы с ней делаем.

Он сел и открыл какую-то книгу, давая понять, что разговор окончен.

Где-то в глубине дома старые напольные часы начали отбивать половину. Семь ударов — низких, тягучих, как дыхание спящего.

Ремезов вышел в коридор. Привратник вернул ему телефон и ключи. Кольцо он надел не сразу — подержал в ладони, чувствуя холод металла.

На улице шёл снег. Ремезов стоял под фонарём и смотрел на окна дома — тёмные, плотно задёрнутые шторами. За этими шторами завтра он пройдёт посвящение. Станет Учеником. Наденет белый запон с поднятым клапаном — точно такой, какой Вера нарисовала в своём дневнике за два дня до смерти.

«Я надену это, когда стану чистой».

Он не искал чистоты. Он искал убийцу. Но сейчас, стоя под снегом, он вдруг понял: завтра он войдёт в рисунок Веры. В прямом смысле — шагнёт в её дневник, в её символы, в её надежду.

И никто там не будет знать, кто он на самом деле.

Никто, кроме, возможно, Лазарева.

Ремезов сунул руку в карман, нащупал блистер, выдавил таблетку. Проглотил. Мятный привкус. «Ты умеешь молчать, Алексей?» Да. Пятнадцать лет молчания о том, что случилось с Верой. Пятнадцать лет молчания о том, кто был тот «брат», обещавший ей чистоту. Если нужно — он промолчит ещё.

Снег падал на плечи, на волосы. Ремезов пошёл к метро.

Завтра в девятнадцать ноль-ноль.

Завтра он войдёт в рисунок.

Глава 3. Посвящение

Санкт-Петербург, дом на Фонтанке, 24 декабря

Он пришёл за час, как велел Лазарев.

Привратник встретил его в холле и молча провёл в боковую комнату — маленькую, без окон, с голыми каменными стенами. В углу стоял деревянный стул, перед ним — стол, на котором лежали лист бумаги, перьевая ручка и чернильница. Больше ничего. Только на стене, напротив стула, висела табличка с надписью, выведенной строгим шрифтом: «Познай самого себя».

— Ждите, — сказал Привратник и закрыл дверь.

Ремезов остался один.

Тишина здесь была не такая, как в парке, — не глухая и мягкая, а плотная, как вода на глубине. Он слышал только своё дыхание и редкие, глухие удары сердца. И ещё — едва уловимый запах. Горелая бумага. Так пах дневник Веры, когда он нашёл его — обгоревший по краям, спрятанный под половицей.

Ремезов сглотнул. Во рту появился сухой, меловой вкус таблетки, когда глотаешь без воды. Он заставил себя сесть и взять ручку.

На столе лежал листок с тремя вопросами. Почерк — не Лазарева, чужой, старомодный, с завитками на прописных буквах.

«Что ты должен Богу?»

«Что ты должен близнему?»

«Что ты должен себе?»

Философское завещание. Традиция, которую масоны соблюдают с восемнадцатого века: перед посвящением кандидат должен ответить на три вопроса.

Ремезов макнул ручку в чернила и задумался.

Богу он ничего не был должен. Бога не существовало — не для него, не после того, что случилось с Верой. Но он не мог написать это.

Он написал: *«Богу я должен благодарность за то, что я жив, и вопрос — зачем Он сохранил мне жизнь, когда забирает других»*.

Второй вопрос. Ближнему. Он вспомнил Полякова, вспомнил Грачёва.

«Ближнему я должен правду, даже если она ему не понравится».

Третий вопрос. Себе. Самый трудный. Мог ли он спасти Веру? Он не знал. И, возможно, никогда не узнает.

«Себе я должен честность — даже когда она невыносима».

Он положил ручку. Завещание останется здесь навсегда, в архиве ложи, и никто никогда его не прочитает — таков ритуал.

Дверь открылась. Вошёл Привратник, взял листок, пробежал глазами и кивнул.

— Хорошо. Теперь вы должны оставить всё, что у вас есть.

Ремезов выложил на стол ключи, телефон, бумажник. Часы. Кольцо он снял ещё на входе и теперь положил поверх бумажника.

— И обувь.

Он снял ботинки. Холод камня проник сквозь носки.

— Теперь следуйте за мной.

Его провели в соседнюю комнату — больше, чем первая, но всё ещё без окон. Здесь было двое: сам Привратник и ещё один брат, которого Ремезов не знал. Он держал в руках длинный кабель-тов — грубую пеньковую верёвку, свитую в кольцо.

— Встаньте на колени.

Ремезов встал. Каменный пол обжёг колени холодом. Второй брат подошёл сзади и набросил верёвку ему на шею. Не затягивал — просто положил, как кладут шарф, но Ремезов почувствовал её вес. Она была тяжёлой и пахла пылью и старым деревом.

— Сейчас мы завяжем вам глаза. Вы не должны видеть, пока вам не даруют Свет. Вы готовы?

— Да.

Ткань легла на лицо — плотная, чёрная, пахнувшая краской. Мир исчез. Остался только холод на коленях, тяжесть верёвки на шее и запах горелой бумаги, который теперь казался сильнее — он шёл не от дневника, а откуда-то изнутри, из самой памяти.

— Встаньте. Мы идём.

Его подняли за локоть. Под ногами был уже не камень — дерево, старые половицы скрипели под его весом. Верёвка качнулась и коснулась ключицы. Он вздрогнул.

— Не бойся, — сказал кто-то рядом. — Это только начало.

Потом начались путешествия.

Его вели по кругу — он чувствовал это по тому, как несколько раз возвращался запах воска. Но каждый раз, проходя мимо этого запаха, он слышал разные звуки.

Первое путешествие — Воздух. Его заставили идти быстро, почти бежать, и ветер бил в лицо. Он шёл и слышал шелест — словно крылья птиц над головой. Потом — резкий хлопок, и тишина.

Второе путешествие — Вода. Медленно, под журчание. Капли падали на металл, и каждый удар отдавался в висках. А потом — он почувствовал это ступнями — пол стал влажным. Он шёл по нему, и каждый шаг отдавался тихим всплеском.

Третье путешествие — Огонь. Запах дыма, треск, шипение. Кто-то зажжёт спичку возле его лица — тепло на щеке. И сразу — холод. И снова тепло, но уже дальше.

Паника уже не подступала — она была здесь, внутри. Ремезов дышал глубоко, стараясь не сбиться. Таблетки остались в кармане пальто, в первой комнате. Он не мог до них дотянуться.

— Стойте.

Он остановился. Верёвка на шее чуть затянулась.

— Сейчас вы предстанете перед Досточтимым Мастером. Отвечайте только правду.

— Кто этот профан, пребывающий во тьме? — раздался голос. Лазарев.

— Тот, кто желает узреть Свет, — ответил Эксперт.

— Спросите его, достоин ли он.

Эксперт повернулся к Ремезову.

— Зачем ты пришёл сюда?

Ремезов облизал губы. Во рту было сухо, язык казался чужим.

— Я ищу знание. Я хочу понять то, что скрыто.

— Ты пришёл по доброй воле?

— Да.

— Ты готов принять обязательства?

— Да.

— Тогда приблизься.

Его подвели к алтарю. Пахло воском и старой бумагой — на алтаре лежала раскрытая Библия.

— Встань на колени.

Он встал. Левое колено согнуто, правое — под прямым углом.

— Повторяй за мной.

И Ремезов повторял. Слова были старые, тяжеловесные. Он обещал хранить тайны Ордена. Обещал помогать братьям. Обещал не раскрывать способы опознания.

И когда Лазарев произнёс формулу символической кары, Ремезов почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Та же формула была в дневнике Веры. «Да будет мне перерезано горло...» Она записала её и приписала: «Брат сказал — это не страшно, это просто слова».

— Чего ты более всего желаешь? — спросил Лазарев.

— Света.

Удар молотка.

И повязка упала.

Свет был ярким. Ремезов зажмурился, открыл глаза, снова зажмурился. Когда зрение вернулось, он увидел их.

Братья стояли полукругом. В руках — острия циркулей, направленные ему в грудь.

— Не бойся, — сказал Лазарев. — Они не причинят тебе вреда. Это символ.

— Я знаю.

Лазарев чуть наклонил голову.

— Знаешь? Откуда?

— Читал.

— Читал, — повторил Лазарев. — Много читаешь, Алексей. Но чтение — это ещё не знание.

Он кивнул. Братья опустили циркули.

— Подойди.

Ремезов подошёл к алтарю. Теперь он видел всё: раскрытую Библию, наугольник, циркуль. А над ними — Лучезарную Дельту.

И в этот момент он увидел их так же, как Вера.

Циркуль и наугольник. Тот же самый рисунок. Те же пропорции. На мгновение ему показалось, что рисунок ожил — сошёл с пожелтевшей страницы и лёг на алтарь, обретя вес, тень и запах металла.

— Что ты видишь? — спросил Лазарев.

— Символы.

— Что они означают?

— Наугольник — моральный закон. Циркуль — границы дозволенного.

— Верно. А что ещё?

Ремезов поднял глаза.

— Это те же символы, которые были в секте «Храм Софии». Только там их использовали иначе.

В комнате стало тихо.

— Ты знаешь о «Храме Софии»?

— Знаю.

— Откуда?

— Моя сестра была одной из них. Пятнадцать лет назад. Она умерла.

Лазарев долго смотрел на него.

— Я знал. Знал о твоей сестре. Мне сообщили из Великой Ложи. — Он помедлил. — И вы всё равно меня приняли?

— Принял, — сказал Лазарев. — Потому что ты не она. У тебя другой путь. И потому что я хочу, чтобы ты понял: символы — это только символы. Они не убивают. Убивают люди, которые их используют.

Он встал и взял белый запон.

— Подойди.

Ремезов подошёл. Лазарев надел на него запон — осторожно, как надевают на раненого повязку.

— Это знак твоего ученичества. Носи его незапятнанным.

Ремезов посмотрел на свою грудь. Белая кожа, голубая кайма, поднятый клапан. Точно такой же, как на рисунке Веры. Он стоял внутри её дневника. Внутри её мечты.

И не знал, что с этим делать.

— Теперь ты Ученик. Ты увидел Свет. Научись его выносить.

Лазарев смотрел на него. И молчал. Слишком долго.

— Что? — не выдержал Ремезов.

— Ничего. Иди. Братья научат тебя знакам и словам.

Лазарев отвернулся.

А Ремезов остался стоять — в белом запоне, с циркулем и наугольником за спиной, с запахом горелой бумаги, который никуда не делся, и с тяжёлым, неподъёмным чувством, что он сказал слишком много. Или слишком мало.

И Лазарев это знал.

Глава 4. Второй труп

Санкт-Петербург, Васильевский остров, 26 декабря

На этот раз тело нашли не в парке.

Старый доходный дом на углу Пятой линии и набережной, пустующий третий год. Окна заколочены. Фасад в строительных лесах. Именно здесь, в бывшей дворницкой, утром двадцать шестого декабря двое бомжей наткнулись на труп.

Ремезов приехал через сорок минут после звонка. Поляков уже ждал у входа.

— Опять фартук, — сказал он вместо приветствия. — И опять песня.

— Градус?

— Подмастерье. Клапан опущен.

Ремезов вошёл в дом. Внутри было холоднее, чем снаружи, — мёртвый холод нежилого помещения.

Дворницкая находилась в конце коридора. Тело сидело на стуле. Мужчина лет шестидесяти. Под пальто — белый запон с опущенным клапаном.

Подмастерье.

На этот раз удар пришёлся в грудь. Правая рука застыла на сердце. Знак Подмастерья.

— Кто?

Поляков открыл планшет.

— Зимин Валерий Сергеевич, шестьдесят три года. Инженер-строитель, на пенсии. В ложе «Три Светоча» — с девяносто восьмого года. Подмастерье.

В нагрудном кармане снова белел листок. Вторая строка «Коль славен»: *«Неизреченна, непостижна...»*

— Он продолжает, — сказал Ремезов. — Первая строка была у Кратова. Вторая — у Зимина.

— Сколько строк в этой песне?

— Шесть. Он убьёт как минимум шестерых. Если не остановить.

Ремезов поднялся. Следов борьбы не было. Стул стоял ровно.

— Он привёл его сюда. Посадил. Убил. Вложил ноты. И ушёл.

— Зимин не сопротивлялся?

— Похоже, нет. Либо знал убийцу. Либо доверял ему.

Ремезов ещё раз посмотрел на лицо. Такое выражение бывает у людей, которые засыпают под любимую музыку — не страх, не боль, а покой.

— Поляков, проверь связь между Кратовым и Зиминим. Что-то должно их связывать, кроме ложи.

Вечером того же дня Ремезов пришёл в ложу.

В храме было пусто. Привратник пропустил его в архив.

Он нашёл то, что искал, в папке десятилетней давности.

Протокол внеочередного собрания от пятнадцатого марта. Повестка: исключение брата Виктора Савельева. Обвинение: нарушение клятвы, требование эксгумировать захоронения, «немасонское поведение».

В графе «голосование» стояли подписи. Кратов. Зимин. И ещё четверо.

— Вы нашли, что искали?

Ремезов обернулся. В дверях стоял брат, который подошёл к нему после посвящения.

— Мы не знакомы, кажется. Я Павел. Павел Нестеров.

— Ремезов.

— Я знаю. Лазарев говорил о вас.

Павел заглянул в папку.

— Савельев. Вы ищете Савельева?

— Я ищу связи. Савельев — одна из них.

— Савельев не был убийцей. Он был учёным. Но он не мог убить.

— Вы голосовали за его исключение?

— Нет. Меня тогда ещё не было в ложе. Но я разговаривал с теми, кто голосовал «за». Они не гордились.

— Кратов и Зимин голосовали «за».

— Да.

— Значит, убийца — тот, кто знает ритуалы. Тот, кто был здесь, среди нас.

Павел помедлил.

— Лазареву. И себе. Остальным — не знаю.

Он посмотрел на часы.

— Мне пора. У нас сегодня встреча. Приходите, если хотите.

Павел вышел. Ремезов остался в архиве.

Итак, Савельев. Исключённый брат, учёный. Тот, кого Кратов, Зимин и ещё четверо изгнали из ложи.

Он достал телефон, набрал Софью.

— Мне нужно встретиться. Завтра. В Эрмитаже. Мне нужно всё, что связано с оптическими приборами, зеркалами, линзами.

— Вы нашли что-то ещё?

— Второй труп. Вторая строка песни. И имя. Савельев. Виктор Савельев. Физик-оптик, бывший масон. Исключён десять лет назад.

В трубке помолчали.

— Я слышала это имя. Я поищу.

— Завтра.

— Завтра.

Глава 5. Софья

Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 27 декабря

«Иногда мне кажется, что брат — не один человек. Что их много. И они все смотрят на меня. Но я не боюсь. Почти».

(Из дневника Веры, 13 декабря)

В отделе гравюр пахло лилиями.

Букет стоял на подоконнике — белые лепестки уже начали желтеть по краям, но запах всё ещё был сильным. Софья Берг никогда не любила лилии. Они напоминали ей о похоронах матери.

Ремезов пришёл ровно в десять. Он выглядел хуже, чем при первой встрече.

— Вы не спали, — сказала она.

— Спал. Мало. У вас есть то, что я просил?

Софья кивнула и подвела его к столу с гравюрами и папками.

— Савельев Виктор Андреевич. Физик-оптик, выпускник ЛГУ, специализация — когерентное излучение. Защитил кандидатскую, потом докторскую. Работал в Институте точной механики и оптики. Уволился в две тысячи пятом.

— Когда его исключили из ложи?

— В две тысячи пятом. За три месяца до увольнения. С тех пор — никаких публикаций.

— Но вы нашли что-то ещё.

— Да. Непубликованное.

Она достала ксерокопию рукописи с пометками — тем же каллиграфическим почерком с наклоном влево.

— Черновик статьи. «Оптический резонанс в средах с переменной поляризацией». Он пишет о создании устройства, способного проецировать изображение с частотной модуляцией, достаточной для воздействия на биологические ткани.

— Это может означать что угодно.

— Да. Но в сочетании с вашими нотами — это означает, что он искал способ превратить звук в свет. Это не просто музыка. Это инструкция для прибора.

— Какого прибора?

Софья разложила на столе три гравюры восемнадцатого века с масонскими символами. На каждой в углу был изображён треугольник с расходящимися лучами.

— Я искала эти гравюры два года для диссертации. Думала, это аллегория. Но теперь, когда я увидела ваши ноты, я поняла: это чертёж. Посмотрите на лучи. Они пересекаются под углами. Сорок семь градусов. Двадцать три с половиной. Это углы преломления. Если наложить на схему ваши ноты — интервалы между нотами совпадут с углами.

Ремезов смотрел на гравюры. Кто-то в восемнадцатом веке изобразил на масонской гравюре оптическую схему. И убийца её расшифровал.

— Что делает этот прибор?

— Савельев писал о «воздействии на биологические ткани». Это может быть разрушение, а может — изменение.

— Вы знаете больше, чем говорите.

Софья поджала губы.

— Я знаю, что Савельев не был сумасшедшим — он был гением. И я знаю, что Лазарев и его жола голосовали за его исключение, потому что боялись. Не того, что он ошибался. А того, что он был прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.